Диана Ярук
Сюрприз для рыжего
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Диана Ярук

Сюрприз для рыжего

«Автор»

2024

Ярук Д.

Сюрприз для рыжего / Д. Ярук — «Автор», 2024

Гадалка предсказала, что однажды рыжий мужик похитит меня, чтобы сделать своей женой и посадить под замок. С этой судьбой я совершенно не согласна. Замуж не хочу, работу выбрала такую, чтобы путешествовать по всему миру, а с любовью вообще решила завязать. Целее буду.Правда, рыжие преследуют меня по пятам, будто что-то чуют. В моей спальне внезапно оказывается огненный хоккеист, который уверен, что я женщина всей его жизни. А где-то там маячит со своей любовью психопат, мечтающий завести со мной кучу рыжих ребятишек.История Вики из романа "Измена. Горячий лед". Можно читать как отдельную книгу.

© Ярук Д., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 16
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 23
Глава 10 25
Глава 11 27
Глава 12 29
Глава 13 31
Глава 14 34
Глава 15 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Диана Ярук
Сюрприз для рыжего

Глава 1

Только не рыжий, только не рыжий опять!

Продрав глаза, поднимаю голову над своей кроватью. Слава богу, одна. С облегчением откидываюсь на подушки.

Уфф, давно я так не пила, в голове гудит, а свет из-за плохо прикрытых штор бьёт прямо в мозг.

Съехав по шелковому белью на пол, осторожно передвигаюсь к санузлу в моей спальне, по дороге от души почёсывая зад, локти, шею и спину. Опять какой-то зуд, раздражение, хотя с волосатым, в голом виде похожим на лохматый коврик Аланом мы расстались полгода назад, спасибо тебе, господи.

В ванной долго разглядываю, во что превратился не смытый на ночь макияж. Тушь растеклась, помада размазалась вокруг рта как у похабного клоуна. Волосы стоят дыбом, одна серьга на месте, другая куда-то пропала.

Что вчера было?

Мы собрались в баре с подругами, чтобы отметить снова холостую жизнь нашей Снежной королевы, Машки Железновой. По дороге выяснилось, что развода ей подлец муж не дал, поэтому триумфальное празднование превратилось в утешительную попойку, в середине которой к нам присоединились три спортсмена-хоккеиста. Один из них был рыжим!

Перед глазами встаёт картина из ночного клуба: я танцую, как обычно вертя задом, а этот патлатый и бородатый амбал нарывается на драку, пытаясь отпихнуть от меня остальных мужиков.

Машка бросила нас на полдороге, укатила с красавцем Лисом, в миру Никитой Лисовским, который увивается за ней уже несколько месяцев. Дальше отвалилась Светка, запавшая на канадца Дэна. Я упиралась до последнего, но меня утащил Леший. То есть, Лёша. Тащил он меня в прямом смысле, перекинув через плечо, а я игриво похлопывала его по заду.

Что дальше?

Прикасаюсь пальцами к припухшим губам. Приподнявшись на цыпочки, вижу, что вся шея и плечи покрыты багровыми пятнами. Засосы! Опускаю взгляд на своё тело. Везде засосы! Даже на голени! Приподнимаю резинку трусов. Да что ж такое!

Прохожу в кухню, нажимаю на кнопку кофеварки и присаживаюсь на стул, поджав под себя ногу. Ой, а что это у меня так тянут мышцы бедер, а? И горло подозрительно саднит! Спохватившись, бегу назад в санузел, заныриваю в мусорку. Ну, хотя бы предохранялись.

Притащив кружку с кофе в спальню, поплотнее задёргиваю шторы и валюсь в постель, вслух застонав от досады.

Однажды на рынке цыганка нагадала моей матери, что я выйду замуж за рыжего, который похитит меня и запрет под замок. В тот же вечер мама сбежала от отца, бросив нас троих на него одного, так что, с предательством, враньём и неверностью у меня теперь почему-то прочно ассоциируются мужики с огненными волосами.

Плохо только, что лишь на них я и западаю.

Первый рыжий в моей совершеннолетней жизни разбил мне сердце, заявив, что любит другую. Сразу после того, как забрал мою девственность.

Второй рыжий уехал на заработки в Европу, взяв обещание ждать, да женился ради паспорта на местной.

Третий украл мои золотые серёжки и проиграл их на ставках.

На время с рыжими было покончено.

Пока не попала в магистратуру в Дублине, где была окружена всеми оттенками красного! Конечно, там я встретила двухметрового ирландца-лепрекона, который обманул меня – снова! Сказал, что встречается без излишних сантиментов, а в один день притащил к зданию "Тринити колледжа" всю свою многочисленную рыжую родню и встал на колено с синей бархатной коробочкой в руках. Я бежала оттуда, бросив пожитки, лишь сжимая свежеполученный диплом.

Ещё учась на мехмате, я решила, что никогда и ни за что не выйду замуж. У старшей сестры четверо детей, миссию по воспроизводству человечества она выполнила за двоих, так что, я готова прожить свою лучшую жизнь без семьи, без потомства, без лишних привязанностей.

Последней рыжей ошибкой стал Алан. Он не казался безумным поначалу. Респектабельный тридцатипятилетний бизнесмен, владелец сети ресторанов. Я сразу объявила ему о своих планах на будущее, и он вроде бы был с ними согласен. Пока не решил, что пора жениться и подарить родителям кучу рыжих внуков. От меня! Циничной женщины за тридцать, которая полжизни проводит в разъездах по заграницам! Избавиться от Алана оказалось сложнее всего. С его стороны в ход пошли уговоры, заваливание подарками, шантаж моими обнажёнными фото (я слила их в сеть первой), угрозы оружием и даже театральная попытка самоубийства. Меня аж передёргивает от воспоминаний.

– А для меня кофе найдётся? – Раздаётся хриплый голос, и я едва удерживаю кружку в руках. Откуда-то с пола с другой стороны кровати поднимается почти голый рыжий амбал и нагло укладывается в постель рядом со мной.

Глава 2

– Ты какого лешего там прятался?! – Ору я.

– Так ты меня сама туда под утро спихнула!

Рыжун устраивается поудобнее и, забрав у меня из рук горячий американо, делает глоток.

– Кофе отвратный, Викец.

– Ах ты! – Замахиваюсь на наглеца, шлёпаю по мощной груди.

Мужик поднимает локоть, защищая кружку от проливания. Заворожённо смотрю, как под ключицей расплывается алое пятно от моей пятерни.

Вот что я обожаю у рыжих. Их бледную, чувствительную, ярко реагирующую на любые физические раздражители кожу. Румянец, разливающийся от щёк до груди, веснушки в тех местах, где их, аватаров лета, лизали солнечные лучи. Я прикусываю губу, чтобы не проследить языком россыпь оранжевых пятнышек от мочки уха до проколотого соска.

Лёша. Этого покрытого с головы до ног татуировками амбала зовут Лёша, и я не хотела иметь с ним ничего общего, несмотря на все его попытки заполучить моё внимание.

Алексей с удовольствием допивает «отвратительный» кофе, отставляет кружку на тумбочку и растягивается на моих подушках, вальяжно закинув руки за голову и сплетая длиннющие ноги. Они почти достают до нижнего края кровати, а это, на минуточку, королевский размер!

– Чем займёмся? – Спрашивает великан, лаская меня взглядом.

– Я буду варить новый кофе, а ты свалишь из моей квартиры! – На всякий случай отползаю на край кровати.

– Ну нет, я с таким трудом сюда пробрался, теперь так просто меня не вытуришь. Готова к новому кругу марафона?

– К счастью, я была так пьяна, что ничего не помню, хмыкаю, стараясь смотреть амбалу в глаза, но взгляд предательски сползает к шелковым боксерам. Этот придурок – эстет. Оочень щедро одарённый.

– Не может быть! Врёшь! – Хмурится Лёша. – Я же спрашивал, и ты меня сама подгоняла!

– Я выпила как минимум семь негрони, а это прямой путь в амнезию. – Перекидываю волосы за спину и вижу засос на тыльной стороне ладони! – Ты вообще маньяк, что ли? Почему я вся в засосах?

– Ты мне приказала! Кто я такой, чтобы отказывать даме? – Лёша медленно проводит языком по губе, и моё сердце пропускает удар. Он плавно поднимается с места. От обладателя такого роста и таких мышц сложно ожидать подобной грации, но сейчас он похож на золотистого льва, готовящегося к прыжку. Схватив за лодыжку, Леший тянет меня к себе, и я скольжу по простыне, от неожиданности свалившись на спину.

– Вчера мы выяснили, что тебе нравится, когда я сзади, – мурлычет Лёша, нависая надо мной. – И спереди тоже. Снизу. Сверху. У стены. – Он резко разворачивает меня на живот и проводит носом вдоль шеи.

– Леший, вали отсюда, подобру, поздорову, – рычу я.

– А то что? – Наглая рука прокрадывается мне под майку, и я зажмуриваюсь от удовольствия, когда мозолистая ладонь проходится вдоль позвоночника.

– Укушу!

– Оо, мне понравится, – шепчет искуситель в ухо. – Ты ещё осенью обещала меня отшлёпать, но забыла, да?

– Я тебя ремнём выпорю, наглая скотина!

– Люблю, когда немножко больно, – зубы нежно прикусывают ухо, отчего поджимаются пальчики на моих ногах.

– Слезь с меня. Я серьёзно!

С громким недовольным вздохом Леший отползает в сторону, укладывается набок, и я чувствую удовлетворение, пусть и смешанное с ощущением внезапной потери.

– Слушай, пацан, – наматываю на себя одеяло, чтобы амбал перестал ощупывать взглядом моё тело. – Сейчас же одеваешься и валишь отсюда. Рада, что ты хорошо вчера повеселился, благодарю, что не забывал про защиту, но мне сегодня вечером вылетать в Амстердам.

Лёша мгновенно садится в кровати, ероша пятернёй шевелюру.

– Да как же так, ты же только вчера в Москву вернулась!

– А вот так, я крутой востребованный специалист и большую часть жизни провожу не в Москве. Мне нужно закончить кое-какие дела, а потом вытряхнуть из чемодана грязные вещи и заменить их на чистые. Свободен.

– У меня до сих пор нет твоего номера! – Лёша перегибается через меня и достаёт мой айфон с тумбочки.

– Он заблокирован, дурень! – Ухмыляюсь, но рыжий заграбастывает меня снова и хватает мою руку. – Пусти, дубина!

Чувствую, как мой палец прикладывают к сенсору отпечатка пальца.

Леший отпускает меня и начинает набирать цифры своего номера. Нажимает на дозвон, и мы слышим вибрацию где-то в стороне.

– Я тебе напишу! И только попробуй не ответить! Заблокируешь, – приду домой! Адрес я теперь знаю! – Сообщает амбал и принимается собирать свои вещи с пола. Я невольно любуюсь тем, как накаченные ноги исчезают в джинсах, широкая грудь скрывается под рубашкой, а мощные бицепсы в татушках впихиваются в приталенный пиджак от Тома Форда.

– Я тоже с командой вылетаю на игру. Пришлю тебе своё расписание выездных матчей. Надеюсь, ты сделаешь то же самое? Надо подстраиваться друг под друга.

– С чего ты взял, что эта ночь была не одноразовой акцией? – Обвожу рукой комнату. По ней будто Мамай прошёлся.

– С того, что ты в моём вкусе. А я – в твоём. Пока ты меня активно игнорировала, я изучал твой профайл.

Вытаращиваю глаза. Что за хрень?

– Кофеманка, проблемы со сном, любишь котиков, четверо племянников, отец – твой идеал мужчины. Машины нет, предпочитаешь такси или когда за тобой приезжают на лимузине.

На слове «лимузин» Леший подходит ко мне и, молниеносно сунув мозолистую руку под одеяло, щиплет через майку за сосок. Я еле сдерживаю стон.

– Плюёшь на погоду, судя по тому, что вчера в минус пять приехала в босоножках. Чёрт, у меня новый фетиш, пальчики твоих ног! Дальше? Натуральная блондинка, сладкому предпочтёшь хороший кусок мяса, любимый фильм – «Секретарша», из чего делаем вывод, что ты мечтаешь о строгом папочке и, самое главное, – я рыжий!

– Стоп-стоп, с чего ты решил, что я натуральная блондинка? – Поправляю свои за бешеные деньги колорированные волосы от самой Никифоровой.

Леший поднимает бровь, молча смотрит, и я чувствую, как краснею! Я! Чтобы забить смущение, начинаю орать:

– И какой из тебя «папочка»?! Ты младше меня на три года!

Наглец расплывается в самой дьявольской улыбке, от которой меня прошибает пот.

– Всё, я на тренировку, жду твоё расписание!

Схватив меня за волосы, отгибает голову, впивается в рот пахнущими кофе губами.

Дверь хлопает, а я утыкаюсь в подушку и кричу. До чего опасный мужик! Никаких больше встреч!

Глава 3

Ии, конечно, я заблокировала номер Лешего, стоило ему только выйти за порог.

Снова сварив кофе – отличный, кстати, моя личная пропорция робусты и арабики, собираюсь и еду по привычному адресу.

Заваленная хламом конторка прячется во дворе пятиэтажки в спальном районе. Аккуратно сдвигаю вот-вот готовые свалиться со стола выглядящие очень старыми папки из архива и присаживаюсь на краешек шатающегося стула.

– Чаю хочешь? – спрашивает Семён.

Мотаю головой, стараясь не кривиться при виде коричневой от налёта кружки.

– Давай сразу к новостям, Сёма. Ты написал, нашёл что-то?

– Вот, смотри.

Суёт мне распечатанные на матовой фотобумаге снимки. Сердце подпрыгивает, но я заталкиваю всколыхнувшуюся надежду поглубже. Сколько такое бывало, что тревога оказывалась ложной?

Одежда неяркая и немодная, но чистая. Незнакомка явно старается выглядеть прилично. Я пристально всматриваюсь в лицо на фотографиях. Женщине лет шестьдесят. Так и должно быть. Светлые волосы, – но они могут быть и крашеными. Черты измождённые, ясно, что их хозяйка прожила тяжёлую, полную невзгод жизнь.

– Адрес в псковской области. Промелькнула в полицейской сводке в связи с поданным заявлением. Сосед украл двух кур.

– Моя мама родилась в городе, она видела кур только по телевизору.

– Вика, куры – не дрессированные медведи. Всегда можно начать с ними эээ… взаимодействовать.

Я снова внимательно разглядываю лицо. Эта женщина действительно похожа на мою мать, будь ей сейчас шестьдесят лет. Те же тонкие, хоть и поплывшие линии, серые глаза, чуть вздёрнутый нос.

– А рост?

– Совпадает. Хочешь посмотреть видео?

– Ты ещё спрашиваешь…

Семён включает видеозапись на ноутбуке. Женщина идёт по узкой деревенской улочке, держа в обеих руках тяжёлые пакеты. Походка совсем не такая. У мамы грациозный, изящный шаг танцовщицы и всегда ровная спина. Без излишней скромности, я пошла в неё чувством ритма и пластичностью, благодаря чему легко устраивалась по молодости гоу гоу танцовщицей в ночные клубы, чтобы подрабатывать к своей стипендии.

Неет, эта женщина идёт вразвалку, как утка. Что должно было произойти с мамой, чтобы она начала двигаться так?

– По документам что?

– Вот, конечно, на другое имя. Были утеряны двадцать лет назад, восстанавливались через архив. Переехала жить в этот дом пятнадцать лет назад.

Закрываю ладонью глаза. Неужели получится?

– Скинь мне адрес, Сём. Спасибо.

Перевожу на его счёт обговорённый гонорар. Надеюсь, что в последний раз.

Смотрю на запястье. Рейс на Амстердам через несколько часов. Значит, поездку на Псковщину придётся отложить на пару недель.

Мама ушла от нас двадцать лет назад.

Августовским утром мы поехали на городской рынок, купить мне, уже шестиклашке, школьные туфли и блузку к новому учебному году. Старшей сестре, Марине, семнадцать и она первокурсница педагогического. Младшему брату, Вадику, шесть, он в детском саду.

На рынке мы выбрали мне красивые лакированные чёрные туфельки с бантиком и на толстом каблучке. Я была в восторге! Почти как у взрослой!

По дороге к выходу нас остановила худая цыганка с волнистым попугайчиком в руках.

– Птичка предскажет твоё будущее, девочка, всего за двадцать рублей! – сунула она мне под нос корзинку с плотно свёрнутыми бумажными трубочками.

– Вика, пойдём, – напряжённо сказала мама и потянула за собой. Я затормозила. В кармане как раз лежали четыре монеты по пять.

– Мамочка, пожалуйста! – Взмолилась я. Жёлтый попугайчик сидел на краю корзинки и был удивительно милым. Я достала монеты.

– Вика убери!

– Пусть ребёнок узнает своё будущее, женщина, – усмехнулась гадалка. – Птичка моя вас не покусает, я тоже.

Мама громко цыкнула и приказала мне убрать деньги. Достала из кармана две купюры по десять и сунула в протянутую руку хозяйке попугайчика. Тот живо полез в кучу, перепрыгивая по трубочкам и, чирикнув, выцепил записку, перетянутую чёрной нитью.

– Дома посмотрим, – сказала мама и потащила меня дальше.

Вот только дома нас ожидал неприятный сюрприз. Отец нашёл мамину заначку, купил бутылку, распил её и маялся на кухне.

– Никто меня не понимает, не ценит и не любит! – стенал он, дёргая себя за волосы. Когда-то папа был многообещающим выпускником режиссёрских курсов, снял высоко оценённую критиками короткометражку, но вскоре встретил маму, которая неожиданно от него забеременела. Пришлось срочно жениться и хвататься за первую же работу – руководителя маленькой детской студии в Зеленограде. Совсем не тот уровень, о котором он мечтал.

Уверена, мама, пусть и танцовщица кордебалета, – но зато в «Большом»! – тоже не грезила о таком завершении карьеры. Родилась старшая сестра, денег катастрофически не хватало, пришлось пойти хореографом в ту же студию, ставить в третью позицию маленьких дочек любительниц балета.

К началу девяностых и к моему рождению папа уже хорошо пил. Мама тащила всё в одиночку, выполняя за отца его обязанности на работе и пытаясь справляться с ненавистным бытом.

Папин демарш взбесил её до глубины души. И так довольно взрывная, – говорят, я пошла в неё нравом, – она вырвала у папы бутылку и вылила остатки в раковину.

– До чего ты мне надоел! – Кричала она. – Угробила на тебя лучшие годы своей жизни! Почему я не вышла за Антона Выготского, когда он мне предлагал!

– Ну так и выходи, кто тебе мешает! – орал отец. – Вертела передо мной задом! Загубила мою карьеру!

– Вот и выйду! Уверена, он меня и с тремя примет! И не придётся мне пахать за двоих взрослых! Мужик, называется! Дома даже хлеба нет!

– Вали отсюда! – кричал отец. – Тощая бесталанная лошадь!

Мама схватила сумочку и выскочила из дома.

И больше не вернулась.

Глава 4

С тяжёлым сердцем возвращаюсь из Нидерландов домой.

Переживаю за подругу Машку, которую муж шантажом заставил вернуться в семью. Всегда чуяла, что её Андрей ещё тот маньяк! Как бы она опять не впала в депрессию. Она же скрытная, как чёртов шпион. До конца не признается, что плохо.

Ещё адрес этот в псковской области… Стараюсь не надеяться лишний раз, но так хочется верить, что уж в этот-то раз я нашла маму.

Мечтаю просто посмотреть на неё. Спросить. Почему она ушла? Настолько мы ей надоели? Или, может, она почему-то потеряла память и не подозревает, что у неё есть целая семья: трое детей, четверо внуков и раскаявшийся муж?

После подачи матери в розыск, после неудачных поисков с волонтёрами, после нескольких тяжёлых опознаний в морге отец ушёл в запой. Он страшно пил, сутками. Захлёбывался слезами, орал на нас матом. Из кухни, где он поселился, несло блевотой, мочой и парами спирта.

Мы с трудом дотянули до начала октября, когда старшая сестра получила первую стипендию, а ещё ей пришлось пойти мыть полы в подъездах. Зная о нашей беде, соседи старались подкармливать, забирали к себе, когда мы втроём сидели у подъезда, пережидая особенно тяжёлые часы.

Наконец, из свердловской области приехала папина мама и устроила ему головокружительный, грандиозный скандал. Я с удовлетворением наблюдала, как по кухне летают сковородки, мелькают в воздухе чашки, а отец обеими руками закрывается от увесистой скалки.

– Бессовестная сволочь! Дети остались без непутёвой матери и отец туда же! Толя! Не завяжешь с водкой, я тебя сама прибью!

Бабушка всю жизнь проработала в колонии для несовершеннолетних и хорошо умела вставлять мозги неуправляемым подросткам. Как выяснилось, взрослым мужикам в запое – тоже.

Баба Таня оставалась с нами, пока отец выходил из интоксикации и зашивался. Он посмотрел на свою жизнь протрезвевшими глазами, увидел окружающий его разгром, не особо верящих в его исправление нас, и, наконец, взял себя в руки. Уволился из не приносящей дохода детской студии, пошёл на более-менее хорошо оплачиваемую работу на стройке. Вскоре выучился на сварщика, не пожалев своих артистичных пальцев и мы наконец-то зажили сносной и вполне сытой жизнью.

Без мамы, которая всегда оставалась незаживающей раной в сердцах всей семьи.

Пройдя паспортный контроль и забрав свой чемодан с багажной ленты, топаю к выходу из аэропорта. В Москве идёт снег, он чавкает под подошвами моих ботинок.

Я как раз разыскиваю глазами своё такси, когда меня заключают в объятия. В нос шибает знакомый горький аромат от Виктора и Рольфа.

– Алан! – Чёрт бы его побрал! Пора завязывать с соцсетями, по ним этот сталкер меня вычислил!

– Вики, я так скучал! Не мог дождаться, когда ты вернёшься! – Тёплые руки поднимают моё лицо. Янтарные глаза в обрамлении оранжевых ресниц озаряются искренней радостью. Мне даже ненадолго становится совестно за то, что я бросила этого мужика. Буквально на пять секунд.

– Цечоев! А ну, отвали! Мы с тобой расстались, не делай вид, что можешь так запросто попадаться на моём пути!

Пытаюсь отпихнуть его с дороги, но это невозможно, поэтому подхватываю чемодан, обхожу его фигуру и снова шлёпаю вперёд к ожидающему меня такси.

– Вики, Вики, я на машине, – Алан обнимает мои плечи железной рукой, мой чемодан подхватывает один из его миньонов, и мы двигаемся к припаркованному вдоль жёлтой линии мерседесу. Я не могу вырваться из этоих объятий и начинаю орать.

– Помогите, похищают!

Алан демонстративно смеётся.

– Милая, ты такая шутница! – Он хватает меня за подбородок и накрывает губы в поцелуе, сжав мои челюсти, чтобы не смогла укусить.

Редкие повернувшиеся было к нам головы снова отворачиваются.

Алан впихивает меня в машину, садится, сразу придавливая мои ноги и не давая пинаться.

– Скотина, какого хрена ты творишь? Выпусти меня сейчас же!

– Вики, я забираю свои слова назад. Не могу жить без тебя, без твоего яда и твоей атомной энергии. Я предупредил родителей, что мы сейчас приедем. Они уже позвали имама, тот нас поженит. Если родишь мне сына, я подарю тебе Гелендваген.

Придурок никак не желает принять тот факт, что я сама могу подарить ему Гелендваген.

– Слушай, Алан, на кой чёрт тебе я? Тебе же вроде должны были подогнать юную девственную невесту прямиком из мраморного дворца?

– Она была покорная и скучная, я её отослал. Ты ревнуешь?

Я подозревала, что он отбитый, ещё в начале наших отношений. Так просто мастера спорта по вольной борьбе не дают. «Немного драйва не помешает» – думала я. Да только великолепный секс и слепое обожание не могли оправдать его бешеную ревность и сводящее с ума желание всё контролировать. А острый ум и чувство юмора – упрямство размером с небоскрёб. В нашу последнюю встречу он притащил пистолет и сделал вид, что роскомнадзорнется, если я не скажу «да».

Выйти замуж за такого? Да лучше я отгрызу свой безымянный палец! Оба!

– Вези меня в мою квартиру по-хорошему, или я тебе устрою такую головомойку, что у тебя самооценка ещё три года будет просить полтинник на бутылку, понял?

– Хорошо, съездим к тебе домой, милая. Соберёшь вещи. Конечно, можно купить тебе всё новое, но я немного скучаю по твоей коллекции нижнего белья.

Снова делаю попытку его ударить, но он хватает меня за руки, наваливается всем телом и обнюхивает, как дикий зверь.

Я шлёпаю по ладони, которую Алан, выйдя из машины, протягивает мне для помощи. Откинув волосы на спину, шагаю к двери подъезда.

– Не вздумай тащить ко мне в квартиру свою группу поддержки! – цыкаю на него, когда водитель подрывается за нами. Алан что-то бормочет на своём языке и тот молча отдаёт ему мой чемодан.

– Ты меня бесишь просто до белых чертей, Цечоев. Когда ты поймёшь, что я тебя не хочу? У меня уже есть другой!

– Не ври, Вики, – покровительственно ухмыляется Алан. – Я проверял, ты ни с кем не встречаешься.

– У меня на тебя аллергия! Уже вся чешусь!

Набираю код на замке, прикрыв его своим телом. Не хватало ещё, чтобы этот псих вломился ко мне, когда я буду спать. Алан шагает со мной в почему-то освещённый холл моей квартиры. Неужели я забыла выключить свет?

– Ты всё время жаловалась на раздражение. Вот, ради тебя я сделал лазерную эпиляцию груди! И спины! Это было пиздец как больно!

– Сделал что? – раздаётся хриплый голос.

Из моей спальни выходит одетый только в полотенце на бёдрах Леший.

Глава 5

Алан даже слегка теряется. К моему удовольствию.

Я, пожалуй, тоже удивлена, откуда здесь взялся Леший, но с ним разберусь позже. А пока Лёша подходит к нам, быстренько чмокает меня в губы, ласково дотронувшись до подбородка, и задвигает за себя. Сам же встаёт перед моим неудавшимся женихом, сложив руки на груди.

– Викец, это что ещё за общипанный овощ? – спрашивает он.

– Вообще-то, правильно говорить «фрукт», – внезапно охрипшим голосом произносит Алан.

– Всё я верно сказал. Ты мне не нравишься. Сейчас станешь овощем.

Выдвигаюсь из-за широкой спины в сторону, чтобы оценить масштаб Цечоевского ошаления. Со своими ста восемьюдесятью тремя сантиметрами он смотрит на почти двухметрового Лешего снизу вверх.

Впрочем, мозг ему отбили всё-таки неслабо. Подобравшись, Алан сжимает кулаки и глядит на Лёшу исподлобья, оценивая налитые мышцы, татуировки и проколотые соски. Которые мне совершенно некстати захотелось облизать языком.

– Ты, что ли, новый мужик?

– Я, что ли. Новый и навсегдашний. Забудь сюда дорогу, понял?

Алан прищуривается.

– Отбойные молотки от «Хаммера»?

– Они самые.

Что за фигня?

Псих бывший делает резкий выпад плечом, но Лёша успевает мелькнуть в сторону, схватить Алана за ворот пальто, швырнуть спиной к стене и хорошенько пару раз двинуть кулаком в солнечное сплетение.

– Ты не думай, что это надолго, – отдышавшись, выдавливает мой бывший. – У Виктории страх перед отношениями. Она любит, когда мы перед ней на задних лапках. А потом выкинет, как туфли из прошлогодней коллекции.

– Меня не выкинет, – по-прежнему держа Алана за шиворот, ухмыляется Леший. Он аккуратно ставит Цечоева на ноги и стряхивает с пальто невидимую пушинку, – отбойные молотки, все такое.

Подхватив под локоть, открывает входную дверь. Алан изворачивается, делает подсечку ногой и в проёме завязывается какая-то игра в толкалки-валилки.

– Вики, подумай хорошенько! Вряд ли этот придурок способен понять твою душу!

– Давай, давай, не задерживайся, – выпихивает его Лёша и, наконец, захлопывает дверь.

– Судя по тому, что он рыжий, ты с ним что-то мутила, – поднимает бровь Леший.

– Не спрашивай, – закатываю глаза. И тут же спохватываюсь, – а ты тут как оказался?

– Сказал же, если заблокируешь мой номер, приду домой. Пароль от замка ты мне сама сообщила.

– Когда?

– Две недели назад. Никак не могла попасть в цифры и попросила набрать меня.

– Ах ты змей! И сколько ты тут уже торчишь?

– Почти две недели? Да ты что стоишь в одежде до сих пор? Раздевайся, проходи, ужинать будешь?

Сам помогает мне раздеться. Снимает пальто, стягивает ботинки-челси, вкатывает от двери чемодан. Я вдруг ощущаю навалившуюся усталость.

Прохожу в спальню, срываю с себя толстовку и узкие джинсы, швыряю на пол. Леший скрывается в моей гардеробной и выходит оттуда в трикотажных шортах, но всё так же без футболки, протягивает мне мой халат.

– Так что за «Отбойные молотки от «Хаммера»? – вспоминаю я.

– Ты телек не смотришь, да?

Пожимаю плечами.

– Я – лицо электроинструментов фирмы «Хаммер». Точнее, их отбойных молотков. И если ты вспомнила ту нашу ночь, то знаешь, это сотрудничество неслучайное, – Леший расплывается ленивой улыбке.

– Прекрасно, а теперь собирай манатки и уезжай.

Леший задумывается на секунду.

– Чтобы этот с бритой грудью снова притопал к тебе? Мне показалось, ты была бы не очень этим довольна.

– А мне кажется, ты пытаешься воспользоваться ситуацией. Давай, живей, мне завтра в Псков лететь.

Леший снова хмурится.

– Надолго в этот раз?

– Не знаю. Без обратного билета пока.

– Викец, тебе надо отдохнуть. Ты ещё с прошлого раза не очухалась. Давай поужинаем, налью тебе ванну, сделаю массаж. Во сколько завтра рейс?

Ужин, ванна, массаж… Внезапно мне просто до умопомрачения хочется, чтобы кто-то за мной поухаживал. А когда это предлагает горячий рыжун, на которого даже посмотреть приятно?

– Ладно, только никакого секса, ясно? А то знаю я, к чему обычно вы такие добренькие.

Леший обиженно поднимает ладони.

– Я сейчас тебе приготовлю лучшие в мире стейки из лосося. Минут двадцать как из «Лавки» доставили.

Пока Лёша орудует на моей кухне, усадив меня на стул, – неплохо обжился, кстати, притащил каких-то специй в стеклянных бутылочках, купил сковородку-гриль, принёс блендер для мерзкого зелёного смузи, он рассказывает о последних событиях из жизни.

Мне как-то странно уютно.

Маша бросила Лиса после того, как узнала об его отвратительном пари с Маргаритой Кашириной. Я уже слышала об этой истории и интересно послушать другую сторону. Вообще, эти хоккеисты, насколько я успела понять, просто большие мальчики, рано вырванные из своих семей и имеющие о жизни крайне поверхностное впечатление.

Вот один стоит передо мной с деревянной ложкой наперевес, думает, что пролез в мою жизнь и вовсю пытается в ней обосноваться. Будь я помоложе, поиграла бы в любовь, потискала бы горячее тело, от которого почти насквозь промокли мои трусики. С удовольствием потом прошлась бы по пожухшему эго.

Да только зачем давать надежду малышу? Алан прав, я всё знаю про этих мужчин, пытающихся пролезть ко мне под юбку. Вскоре он скажет «я тебя люблю», побежит покупать колечко с ярким камушком и изо всех сил начнёт надеяться на «жили долго и счастливо» со мной. Неспособной дать им то, что они хотят, не верящей в это самое «долго и счастливо». Рано или поздно, один из нас однажды сбежит из семьи, устав от ответственности и забот. Так зачем мне это всё?

Засыпая под ловкими, сильными пальцами Лешего, разминающими мои расслабленные после лавандовой ванны мышцы, я командую, едва ворочая языком от усталости:

– Чтобы утром тебя здесь не было.

– Ага! – легко соглашается Лёша.

Конечно, я ему не верю.
И мне, почему-то, тепло на душе.

Глава 6

Утром меня будит аромат кофе. Сначала, не до конца проснувшись, я думаю, что это продолжение сна. Потом, – что я всё ещё в Амстердаме и, может быть, запах проникает из кофейни на первом этаже, но вскоре осознаю, что я в своей постели, лежу на животе, шёлк простыни холодит щеку.

– Проснись и пой, прекрасная дама, мы сейчас завтракаем и вылетаем в увлекательное путешествие в Псков! – Под одеяло проникает рука и шершаво ползёт от лодыжки к ягодице, сжав её напоследок.

Я хлопаю ресницами и подскакиваю в постели.

Надо мной стоит Леший, держа в руках никогда до этого не использованный столик для завтрака в постели и излучает невиданную для этого времени суток бодрость. Я бросаю взгляд на часы – без четверти семь. До звонка будильника ещё тридцать минут.

– Мы же договаривались, что тебя здесь утром не будет!

Обняв меня одной рукой под мышки, а второй придерживая столик и проявляя чудеса эквилибристики, парень подсаживает меня к спинке кровати и водружает мне на колени поднос.

От чашки исходит изумительный запах, а на тарелке лежит свежайшая слоёная булочка из пекарни на первом этаже нашего кондоминиума, проложенная тонко нарезанными пластинками сыра, ветчины и зелени.

– Если бы я ушёл, кто бы подал тебе завтрак в постель?

Леший забирает со столика вторую кружку и, дождавшись, пока я подниму свою, чокается со мной кофе.

Он с таким интересом наблюдает, как я собираюсь есть, что становится даже неловко. Это мне-то!

– Может, хватит уже? Почему ты сам не ешь? И не пора ли тебе на тренировку? А заодно и вон с моей жилплощади?

Как только свалит, сменю пароль на своём навороченном электронном дверном замке.

– Я уже съел яичницу из пяти яиц и нет, сегодня воскресенье, у нас только одна сухая тренировка вечером. Которую я собираюсь пропустить, потому что у меня запланирована экскурсия в город-герой Псков.

Свалился же на голову! Ещё хвоста мне не хватало! Отпиваю из кружки и замираю от восторга. Леший с пониманием кивает и поджимает губы. Этот малыш побил меня в варке кофе!

– Иди умываться, я уже вытащил из чемодана все твои грязные вещи, надо только закинуть туда чистые.

Да что же такое, на каждую мою карту у него находятся козырные две!

– Ошибочка вышла! Как ты полетишь со мной без билета?

– Я перебронировал твой и мы теперь летим одним рейсом.

Бизнес-классом, конечно.

– Ненавижу эконом из-за узких проходов между сиденьями, – ворчит Леший, устраиваясь в широком кожаном кресле. – Это для карликов вроде вчерашнего ощипанного овоща.

Я закатываю глаза. Всего несколько часов, как я вернулась в Москву, а в моей жизни, оказывается, есть наглый обормот, которого не так-то просто из неё вытряхнуть.

– Ну что ж, спасибо за бизнес-класс, но по прибытии в город ты идёшь на экскурсию, а я уже вызвала такси, которое повезёт меня в деревню за восемьдесят километров.

Леший оживлённо кивает, привлекая к себе для объятий.

И, конечно, в деревню мы едем вдвоём. На заранее заказанной машине, в деревню, которую мне указал Семён.

Высадившись у знакомого по видеозаписи дома, репетирую в голове свою речь.

Стучусь в ворота.

– Кто там? – Кричат с крыльца.

– Из собеса, Анна Владимировна! – поднимаю повыше пакет, – вам к Новому году продуктовый набор от мэра передали!

– А ну, свали, – шиплю маячащему рядом Лешему. – Сейчас спугнёшь мне её своей бородищей.

Лёша подозрительно хмурится, но всё же отступает подальше.

– Не знаю, что ты задумала, но мне не нравится. Буду рядом.

Я нетерпеливо цыкаю, но замечаю за штакетинами забора приближающееся пятно.

Калитка открывается, и я вижу в проёме ту самую женщину с видеозаписи. Жадно вглядываюсь в её лицо.

– А чего это мэр обо мне вспомнил? Я сколько писала про дорогу, а мне только отписки приходили! – обиженно произносит она. Низким, гнусавым голосом. Не певучим, мягким тембром мамы.

– Скоро выборы, тёть Ань, – выдавливаю на лицо улыбку. – Вот, всем пенсионерам отправили.

– Так я не пенсионерка, – разочарованно протягивает женщина.

– Ой, а может, по возрасту подойдёте? – уточняю я. – У вас какая дата рождения? Можно паспорт посмотреть?

Открываю тяжеленный пакет, в который спешно набрала самых дорогих продуктов в магазинчике на выезде из города.

– Это что, кофе? – удивлённо поднимает брови Анна Владимировна и у меня снова подпрыгивает сердце. Мама была страшной кофеманкой, и страдала, когда приходилось выбирать между пакетом зёрен и мешком перловки.

– Да, и в зёрнах, и молотый, и растворимый. А к нему молоко сгущённое и в коробках, печенье шоколадное, сыр и колбаса. Посмотрите?

Женщина с деланным равнодушием запускает руку в пакет и ощупывает упаковку зёрен итальянской обжарки, дзинькает банками сгущённого молока, большой коробкой датского масляного печенья.

– Что-то расщедрился мэр на этот раз, соседке тогда макароны, да тушёнку с подсолнечным маслом выдавали.

Отлично, значит, идея с продуктовым набором не так уж и плоха.

– Тёть Ань, мне бы просто в паспорт заглянуть, что вам уже шестьдесят есть.

Женщина сдвигается назад, снова демонстрируя утиную походку, и закрывает передо мной калитку.

Возвращается через пять минут.

Паспорт на имя Поповой Анны Владимировны. Дата рождения совпадает с маминой. Пролистываю страницы.

– А что же, давно к вам дети приезжали, тёть Ань?

Женщина смотрит на меня с недоверием.

– Какие дети, девочка? Мои дети погибли двадцать лет назад! Разбились! И муж мой, Валера! Одна я осталась на свете!

– Ккак? А вы ведь документы восстанавливали…

– Восстанавливала, потому что в машине они сгорели, вместе с моей семьёй. А ну, уходика ты, девочка. Не местная ты, не из мэрии! Разговариваешь не так, одета слишком ярко! – Женщина машет руками и я вижу, как они обезображены келлоидными рубцами от ожогов.

Не слушая дальше, сую ей, упирающейся, пакет, разворачиваюсь и ухожу на негнущихся ногах. Со стороны ко мне быстро приближается Леший и заграбастывает в объятия.

Глава 7

– Кто это, Викец? – Тревожно спрашивает Леший, изучая моё лицо.

– Никто! Совершенно никто! – Слегка истерично отвечаю я и тяну его к нашему стоящему поодаль такси. Может быть, если бы я лучше верила в то, что найду, наконец, свою мать, та женщина действительно оказалась бы ею? Я строгий логик, но в такие моменты мне хотелось бы верить в магическое мышление.

– Поехали в аэропорт? Как думаешь, нам удастся купить билеты? А можно ли как в старину, покупать билеты прямо на месте? Я бы хотела попробовать полетать на самолёте из прошлого, где стюардессы с высокими причёсками и в чепчиках подавали обед на фарфоровых тарелках и можно было курить сигары! Ты куришь, кстати? Я с трудом бросила пару лет назад! Хочу кофе! Хочу в туалет! – Едва успевая переводить дыхание, забиваю свои мысли бессмысленной болтовнёй.

Лёша уткнулся в телефон и как-то слегка обидно, что не мне посвящено все его внимание. Впрочем, зря:

– Рейс обратно только в пять часов, я купил нам билеты. Можем пока посмотреть Псковский кремль.

Он стучит водителя по плечу и командует ехать по новому адресу.

В общем то, я довольно равнодушна ко всяким историческим достопримечательностям и во всех заграничных командировках походам в музей предпочитаю сладостный шопинг. Мне хватило Лувра в мой первый приезд в Париж, где я выстояла гигантскую очередь, чтобы полюбоваться на Мону Лизу, но так и не сумела разглядеть её из-за ограждения за несколько метров, пока мне в спину дышали другие бедолаги.

Зато Леший, как выяснилось, довольно любознательный турист. Он заказал нам экскурсовода и внимательно слушает всё, что ему рассказывают, согласно кивая и чуть ли не записывая в программке. Я делаю его фото и выкладываю в сторис.

«Потянуло на культурные развлечения? После того как ты отказалась идти со мной в Дуомо в Милане?»

Быстренько блокирую сталкера Алана в своих соцсетях и невинно улыбаюсь Лешему, вопросительно глядящему на меня. Он зыркает на удаляющегося гида, увлечённого своим рассказом, бросает взгляд по сторонам и запихивает нас на узкую витую лестницу. Прислонившись к каменной стене спиной, привлекает к себе и жарко целует. Расстёгивает на мне парку, запускает руки под свитер, и я уже думаю над тем, что, пожалуй, никогда не занималась сексом в средневековом антураже и неплохо бы добавить это к копилке впечатлений, но тут нас обнаруживает экскурсовод.

Плюс один к опыту: позорное изгнание из Псковского Кремля с пожизненным запретом здесь появляться. Не думала, что экскурсоводы обладают такими полномочиями.

Мы с приглушённым хихиканьем выкатываемся из величественного строения и во всё горло хохочем на улице под неодобрительными взглядами других посетителей.

– Ты на меня плохо влияешь! – Смеётся Леший. – Я теперь так и не узнаю, как выглядит изнутри отреставрированная башня.

Идём гулять по набережной реки. Погода здесь – не чета московской. Вместо слякоти лежит добрый слой свежевыпавшего белого снега. Вокруг тихо и спокойно.

Первый снежок влетает в меня совершенно неожиданно. Я возмущённо оборачиваюсь и вижу, что Лёша уже собирает новый ком. Взвизгнув, успеваю пригнуться и хватаю полные пригоршни. Не могу похвастаться особой меткостью, потому мои снежки пролетают на добрых полметра мимо цели. Леший даже не пытается от них скрыться, удивлённо прослеживая кривую траекторию. Он с недоверием качает головой и набирает горсти. Я с энтузиазмом отпры-

гиваю от его снарядов и решаю действовать по-своему. Подбежав к амбалу, подскакиваю на него и валю в снег. Думаю, это были поддавки, но вот мы уже оба лежим на белом поле и глядим в голубое небо.

– Смотри, я ангел! – Вспоминаю романтические фильмы, раскидываю руки и ноги и принимаюсь двигать ими, приминая снег.

– Ты красивая, – улыбается Лёша, лёжа на боку и наблюдая за моими телодвижениями. А потом наваливается сверху и целует, забирая моё дыхание.

– Так что ты всё-таки делала у того дома? – спрашивает Алексей, сидя рядом со мной в самолёте.

Верчу в руках телефон, раздумывая над ответом. Никто не знает, что я разыскиваю мать. Даже Машка. Даже мои сестра с братом и отец.

Наверное, выпитое в честь полета в бизнес-классе развязывает мне язык, и я рассказываю свою невесёлую историю.

Как украла в тот день из маминой сумочки записку с предсказанием, не в силах вытерпеть, чтобы узнать, что в ней сказано, пока родители орали друг на друга. Как мама бросилась из кухни сломя голову, схватила эту сумочку и выбежала из квартиры. Как я ждала её, чтобы показать гадание и понять, что же это означает, но мама так и не вернулась. Ни в то воскресенье, ни через двадцать лет, четыре из которых Семён ищет её для меня по всем возможным архивам, базам и сводкам.

– Что же там было написано? – Серьёзно спрашивает Леший.

Я улыбаюсь одними губами и лезу в карман парки. Достав свой паспорт, вуживаю из кармашка в чехле бумажный квадратик.

На четвертинке полуистлевшей странички из школьной тетрадки написано аккуратным круглым почерком:

«Рыжий украдёт тебя, увезёт и спрячет под замок, чтобы никто не смог найти»

Лёша смотрит то на слова, то на меня, то на свои руки и морщит лицо. Наконец, он тяжело вздыхает и привлекает в тёплые объятия.

– Я не такой, – шепчет он. – Мне так жаль.

– Всё в порядке, – бубню с забитым носом я. – Никто не посмеет меня похитить.

Глава 8

По дороге из аэропорта мне внезапно становится стыдно минутной слабости. Вообще-то, я Виктория-победительница, как героиня популярного сериала из юности. Я ничего не боюсь, никогда не сдаюсь и мне всё по плечу. Если что-то не получается с первого раза, снова смотрим пункт два.

Сегодня я немножко погрустила, но это были минуты слабости, а завтра я напишу Семёну об очередном выстреле вхолостую, и мы продолжим поиски.

Лёша едет со мной в мою квартиру на такси. Я проиграла битву за свою руку и сейчас она лежит на его колене, прижатая сверху огромной мозолистой лапой. «Просто немного устала», – успокаиваю я себя. Это ненадолго.

Дома включаю кофеварку и открываю на телефоне привычное приложение доставки еды. Наблюдаю, как парень собирает свою сумку.

– Я на тренировку, потом съезжу домой, сменю вещи. Это буквально на три часа. Не вздумай перепрограммировать замок.

Как только он покидает квартиру, я открываю крышку панели на двери. Код – мамин день рождения наоборот: шесть ноль семь один. Теперь можно поставить, например, папин. Пять ноль три два.

Звонит телефон. Марина, моя сестра. Мы с ней очень близки, как и с братом, Вадиком. Те дни отцовского запоя заставили нас, младших, цепляться за старшую сестру, как обезьянок за пальму. Мы смертельно боялись, что она пропадёт тоже, единственный здравомыслящий и более-менее взрослый человек в нашей семье, – даже по сравнению с родителями; да так и привыкли считать, что она намного старше, хотя разница у меня с ней всего пять лет.

Марина взяла на себя мамины обязанности и долго не могла заняться собственной жизнью, дожидаясь, пока на ноги встану я, а потом и Вадик. Только к двадцати семи она приняла предложение все это время влюблённого в неё одноклассника и начала рожать через каждые два года. К тридцати семи она степенная мать четырёх, завуч по учебной части в нашей родной школе.

Иногда на сестру нападает приступ ответственности за младших, и Маринка, перестав удовлетворяться голосовыми сообщениями, звонит то мне, то Вадику, пытаясь наставить на путь истинный.

– Ты сейчас дома или в отъезде? Видела твоего нового мужчину, Викуль. Кто такой? Опять спортсмен, опять рыжий, опять ничего серьёзного?

Включив беспроводные наушники – этот разговор надолго, достаю из шкафа большую папку регистратор. Подшиваю в неё новый файл – фото Поповой Анны Павловны, распечатанное досье.

– Алан был не только спортсмен, но и бизнесмен, но это ни о чём не говорило. Ничего серьёзного, Мариш, можешь не настраиваться.

– А мне показалось, симпатичный очень, сразу видно, весёлый! И глаза добрые! Не то что этот высокомерный Алан! Только заросший какой-то, что твой леший.

– Ты прямо в точку! Зовут Алексей, а кличка у него "Леший". Заросший, потому что хоккеист и традиция у них такая – не стричься, не бриться после выхода команды в плей-офф.

– Хоккеист? Надо Антоше показать, он же следит за матчами.

Антон – мой великолепный зять, которому стоит возвести памятник за то, что терпеливо дожидался, пока Марина созреет для брака и взял с неё часть ответственности за нас, превратившись в правую руку папы.

– Так что, Вик, зачем в Псков ездила? По работе или по делам? Когда к нам приедешь? Папа скучает, мои все тоже хотят видеть тётушку. И Лешего можешь с собой захватить.

– Ездила развеяться и посмотреть на Кремль. Буду на Новый год, зай. Подарков твоим накупила. Тебе тоже взяла в Амстердаме. У них, знаешь, продаётся очень вкусное фирменное печенье в виде пенисов, тебе понравится!

Сестра издаёт какой-то неопределённый звук.

– Если в школе увидят, мне кранты.

– Очень вкусное и ароматное.

– Да ну тебя! Так как, привезёшь с собой своего Лешего? У меня в этом году огурчики получились – ум отъешь!

Господи, Марина – это апофеоз домашнего уюта и хозяйственности. Не знаю, чем мы с Вадькой заслужили такую старшую сестру.

До Нового года всего несколько дней, город украшен, переливается огнями. В моём кондоминиуме уже три недели, с начала декабря, развешены игрушки, мишура, над входной дверью висит большая инсталляция со спускающимся с вертолёта Дедом Морозом.

Поужинав заказанным в ближайшем ресторане тайской кухни том ямом, я не знаю, чем заняться. Брожу из одной комнаты в другую, выглядываю в окно на освещённую улицу. Беру давно начатую книгу, но никак не могу сосредоточиться. Заглядываю в холодильник, пусть и не хочу есть.

Я вся в напряжении и подпрыгиваю от неожиданности, когда начинает тревожно пищать замок, сигнализируя, что кто-то пытается неправильно набрать код. Раз, другой, третий. В дверь начинают стучаться – кто-то очень высокий и сильный, судя по месту где бьют.

Я выжидаю. Три минуты. Пять. Семь. Стук прекращается и начинает трезвонить телефон. Номер, который я занесла в чёрный список, но потом кто-то его оттуда извлёк и назвал «Алёшенька».

Скрежеща зубами, топаю к двери.

Стену возле проёма расслабленно подпирает Леший. На полу у его ног – огромный спортивный баул с надписью «Бауэр», поверх лежит перевязанная суровой верёвкой ёлка.

– Уснула? – Сочувствующе качает головой Лёша. – Тяжело же тебя разбудить, Викец!

В углу моей квартиры впервые за все годы, что я здесь хозяйка, появляется наряженное дерево и я с наслаждением вдыхаю аромат хвои.

– Леший, ты можешь быть со мной только на определённых условиях, – начинаю я, выйдя из ванной, где развела большую перестановку и инвентаризацию своих баночек и шампуней, а на самом деле пряталась и думала.

Вальяжно разлёгшийся на диване с книжкой Лёша закрывает томик какого-то комикса на английском.

– Друзьями? – Поднимает бровь он. – Не вопрос!

Глава 9

– Тогда по-дружески освобождай диван и квартиру, – уперев руки в бока, сварливым тоном требую я. – Чего улёгся? Я, может, мужика привести захочу!

– Ощипанного, что ли? – Настораживается Леший.

– Да пусть даже и ощипанного! Не твоя печаль!

– Ну нет, он тебе не подходит, – с сомнением качает головой рыжун, – не одобряю.

– Спасибо, только тебя забыть спросила. – Вот как такого изгонять? Водичкой святой побрызгать? – А одобряешь ты, конечно, только себя?!

– Точно! – Поднимает палец вверх. – Жрать хочу.

– Если рассчитываешь, что я буду готовить…

– То ты мне отгрызёшь голову, понял. Нет, сейчас сюда приедет мраморная вырезка. Четыре идеальных медальона. Их никогда не замораживали, а только слегка охладили, положили в вакуумный пакет и отправили самолётом, где голубоглазая стюардесса шептала им ласковые слова и внимательно следила за температурным режимом. Я слегка обжарю их на нашей новой сковороде-гриль на топлёном масле гхи с розмариновой пастой моей личной заготовки, потом намелю на них чёрного перца в новой мельничке, заверну в кусок фольги – каждый отдельно, а дальше отправлю в разогретую духовку на пятнадцать минут. Потом знаешь что? Достану их на ту новую доску из слэба – покупали вместе с Лисом, кстати, и они будут отдыхать пять минут. Я переложу их по два на красивые тарелочки, которые, ты, видимо, приобрела в приступе домохозяйства, но так и не достала из упаковки, посолю крупной морской солью и украшу горой руколы и кресс-салата. Любишь кресс-салат? Я могу съесть килограмм, не меньше! На гарнир у нас будет белый киноа с подливой из масла, оставшегося от поджарки мяса. Обожаю, как эти зёрнышки лопаются на зубах. – Леший улыбается, откладывает книжку и идёт к как раз зазвонившему домофону.

Это что за Гордон Рамзи в моей квартире? Не могу прийти в себя. И сглатываю слюну, да.

Сейчас Лёша споласкивает тарелки, чтобы поставить в посудомойку. Конечно, он готовил, убирать должна я, но сегодня я – наглая тварь. Раскачиваюсь на стуле, сложив руки на груди и, прищурившись, придирчиво разглядываю его.– Ты вообще хоккеист или кто? – Непросто тётю Вику выбить из колеи, но у меня какой-то диссонанс от всего. Рыжий, огромный, татуированный, соски эти проколотые. А ещё комикс на английском, – я погуглила, это какой-то заумный графический роман на философские темы, от которых меня сразу клонит в сон, и навыки шеф-повара из мишленовского ресторана. То лосось в белом соусе, то медальоны из мраморного мяса, которые я слопала даже быстрее Лешего. Он даже Алану даст сто очков вперед. Тот, хоть и умный, но больше каким-то своим, звериным чутьём.

– Хочешь узнать, почему я такой умный, хоть и спортсмен? – Леший оборачивается и подмигивает.

– Типа да. Машка рассказывала, что ты иногда дерёшься на арене…Вы же обычно… ну…

– Тупые! – Хохочет Лёша. – В профи нас в Омске забирают в тринадцать, и мы живём в спортивном интернате. Многих, конечно, потом вытуривают, кто-то уходит сам, не выдержав нагрузок или поменяв планы на жизнь. Первый год – это притирки. Дрались как черти. Но и дружба потом – навек. Наш вратарь, Митька Соколов – мой одногруппник. Друг за друга жизнь отдадим!

Вытерев руки, Леший тянет меня за собой в зал. Включает на ёлке гирлянду, гасит свет и усаживается на диван, привлекая к себе под бок. Я порываюсь было дёрнуться, выскочить, но лапища прижимает крепче, большим пальцем выводя узоры на голом плече.

– Мама сказала, что заберёт из хоккея, если я не буду прочитывать по одной книге в неделю. Строго блюла, знаешь. Сама параллельно читала, чтобы в субботу, когда я приходил

домой, обсудить книжку. Книжный клуб на двоих. Я сначала орал, пытался обмануть, искал короткие пересказы, но потом втянулся как-то. Сам стал предлагать, что почитать. Думаю, она так хотела не только вбить мне в мозги что-то, но и пыталась сохранить эту связь между нами. Скучала очень. Я до сих пор отмечаю в голове моменты, которые мне хотелось бы с ней проанализировать.

– А сейчас обсуждаете книги? – Мерцание гирлянды, тёплое тело и вибрация в груди Лешего как-то магически на меня действуют. Мне спокойно и комфортно.

– Сейчас нет. Мама болеет, иногда не может встать, не то что читать. Я купил ей подписку на аудиокниги, но не уверен, что она понимает, что слушает.

– Что с ней? – Сердце подскакивает в ожидании ответа.

– Рассеянный склероз, прогрессирующая стадия. – Рука сжимается на моём плече, удерживая на месте, когда я снова дёргаюсь, собираясь встать. – Я не то, что смирился, но пытаюсь. Окончательного лечения нет, есть только поддерживающая терапия. Хотел забрать сюда, к себе, но врачи сказали, что важна привычная обстановка. Там её сестра, племянники. Я езжу, как только появляется возможность. Вот скорее всего, с Омском будем перед четвертьфиналом играть, я сразу после матча к ним и побуду подольше, Филиппок разрешает.

– А Новый год?

– Вылечу утром тридцатого, задержусь на неделю. Потом у нас Рождественский бал для спонсоров, где должна быть вся команда. – Он о чём-то вспоминает. – Маша придёт, как думаешь? У нас благотворительный сбор для таких детей, как её Боря. Лис уговорил правление клуба уделять больше внимания инклюзии и собрать денег.

– Не уверена… Она такая упёртая. Ради сына пойдёт, может быть. Но ей сейчас очень тяжело… После того, что Машка узнала про твоего Лисовского, она замкнулась ещё больше.

Качаю головой.

– Я бы просто убила его, вот и всё.

– Знаю, – ухмыляется мне в волосы Леший.

Глава 10

Я веду пальцем по татуировке Лешего, то появляющейся, то исчезающей в мерцании гирлянды. Это пара коньков, хоккейные ворота и клюшка на фоне леса. Конечно, у хоккеиста должен быть хоть один рисунок, посвящённый делу его жизни.

– Нас трое с такими татушками. Лис, я и ещё один парень из Оттавы, Марк. Набили почти сразу, как нас задрафтовали в Ванкувер. Всё время ходили и щипали друг друга, боялись, что сон.

– Это сразу после молодёжки?

– Ага. Прямиком из Уфы. Там мы с Никиткой подружились. И с Димасом Резамовым, ты его видела.

– Оо, да, Маша рассказала про ваше доблестное поведение, когда вы участвовали в квест-хорроре!

Лёша прихлопывает лицо и ржёт.

– Клянусь, мне ещё никогда не было так страшно, а я ведь вырос на промзонах! В Омске! Блин, там такие забулдыги иногда попадались, и мы тогда ещё не знали про существование зомби! Господи!

Он поворачивается ко мне, и я бодаю его головой.

– Чего ты ещё боишься?

– Что я так и не узнаю разгадку тайны перевала Дятлова? Что получу травму и не смогу играть? Что мама не встретит меня в следующий раз? Что девчонка, которая мне нравится, так и не даст…

Я поднимаю бровь.

– …знать, что я ей тоже действительно нравлюсь?

– Ты мне нравишься, дурак. Это-то и опасно. Если мы с тобой начнём спать, я в тебя влюблюсь. Научно доказано, мужчины, которые дарят нам оргазмы, влюбляют в себя похлеще приворотного зелья.

– Как жаль, что ты не помнишь про оргазмы из той нашей ночи…

Леший пялится на мои губы, а я смотрю на его лицо, переливающееся цветами гирлянды. Оно то исчезает, то появляется из темноты, черты искажаются в дёрганом свете, являясь то горестными, то дьявольски-сардоническими. Стараясь абстрагироваться от неровного освещения, изучаю его линии: высокий лоб, крупную родинку над бровью, кривоватый, явно неоднократно поломанный нос, полные приоткрытые губы, длинноватый подбородок, скрытый под густой бородой. Я не вижу сейчас его веснушек, но они точно там, усыпают каждый сантиметр его кожи.

– Иди спать Викец.

– А ты? – Спохватываюсь. Надеюсь, это не прозвучало, как приглашение.

– Я в гостевую спалью. Утром вылетаем в Питер, вернусь послезавтра. В четыре за мной заедет автобус. Кстати, мне нужен новый пароль от дверного замка и доступ к идентификации по лицу, чтобы открывать подъезд.

Деланно ворча, сообщаю ему четыре цифры и настраиваю через приложение возможность входить в дом, моргнув перед специальной камерой у двери. По сути, я даю ему ключи от своей квартиры.

– Вообще никаких шансов, что ты съедешь отсюда?

– Я мог бы тебе наврать, что меня затопили соседи сверху и мне негде жить, но ты ведь не поверишь?

Улёгшись в постель, слышу, как Леший ходит в гостевой санузел, мурлыкая что-то себе под нос, потом возится в холле, гремя своим огромным баулом, а вскоре проходит во вторую

спальню и затворяет дверь. Мне дико хочется пробраться туда и улечься под большой и тёплый бочок. Я даже поднимаюсь с постели, прохожу ко второй спальне и встаю перед дверью, положив пальцы на дверную ручку, но не решаюсь войти.

Утром следующего дня Лёши уже нет дома.

Вечером я чуть ли не впервые за полгода включаю телевизор, ищу спортивный канал и попадаю на игру между командой Лешего и питерцами.На работе я сдаю отчёт о своей командировке, делюсь последними новостями о нашем голландском офисе, вываливаю сувенирку, переданную заказчиком, – огромным производством, которое снабжает своей продукцией цветочные магазины по всему миру.

Немного погуглив, разбираюсь, что уже начался второй период и схватка между противниками происходит нешуточная. Счёт пока сухой и москвичи то и дело бросаются в атаку. Комментатор явно неравнодушен к игре Ника Лисовского, который, как хищная рыба, выныривает то тут, то там, формируя из противников завихряющийся клубок. Леший следует за ним, тесня игроков-соперников, ассистирует при вбрасывании, прикрывает спину своему капитану.

В какой-то момент здоровенный полузащитник питерской команды грубо накидывается на Лиса, практически вбивая в бортик и плексигласовый экран, отчего у того отлетает клюшка и съезжает набок шлем. Вся наша команда бросается ему на подмогу, следом подлетают соперники и на льду завязывается драка. Лёша вытаскивает из толпы агрессора и впечатывает спиной в бортик, совсем как до этого он отбрасывал в моей квартире Алана. Хоккеисты обмениваются взглядами, и, возможно, репликами, после которых они синхронно срывают с себя шлемы, скидывают краги, вцепляются в вороты джерси и начинают натурально избивать друг друга огромными кулачищами.

Разнимавшие других спортсменов судьи в чёрно-белых рубашках пронзительно свистят, один из них подкатывает к драчунам и назначает штрафы. Сплюнув на лёд, Леший собирает свои вещи и катится к скамейке провинившихся. Обидчик отправляется следом, на свою сторону штрафников. Камера крупно выхватывает лицо Лёши. Он отирает разбитые губы, снова сплёвывает, скалит зубы и бросает смертоносные взгляды в сторону своего противника. Это совсем не тот мягкий и согласный со мной во всём обормот. Это машина для убийства.

Глава 11

– Прости, что так с Псковом получилось, я практически был уверен, что это она, – Семён чешет бровь, заправляет за ухо сальную прядь.

Я сижу в его каморке на краешке старого, пропахшего кожным жиром дивана. Уверена, Сёма спит на нём, когда не хочет идти домой, к авторитарной и подавляющей матери. Воочию я её не видела, но много раз слышала, как Сёма дёргается при её звонке и выбегает из каморки, нервно бросая в трубку: «Да, мамуль?» Почему я уверена, что он живёт с мамой? Ну а кто будет складывать мужику под сорок обед в пластиковый контейнер с красными розочками на боку?

– Знаешь, я тоже почти убедила себя, что она нашлась. Пофиг на походку и голос, вдруг травма или потеря памяти. Как в фильме «Человек за бортом», знаешь? Упала, ударилась головой, полностью забыла, кто она.

– Она ведь может быть и не жива, ты же понимаешь, Вик?

Семён ступает на тонкий лёд. Мы уже неоднократно говорили на эту тему, и я не желаю слышать об этом. Да, он проверяет доступные ему базы данных неопознанных трупов, я сдала образцы ДНК, но не могу даже думать о том, что мама мертва.

Смотрю на своего сыщика исподлобья, и он отводит взгляд.

Сёма идеальный частный детектив: среднего роста, рыхловатый, с мышиного цвета оттенком волос и глаз. Слепое пятно. Такого даже под дулом пистолета не вспомнишь. Будет проходить рядом – сольётся с окружающей обстановкой. В отличие от киношных героев, скачущих с пистолетами по подворотням, да ведущим наружную съёмку из тонированного авто премиум класса, Семён в основном рыщет по архивам, базам данных МВД, реестрам актов гражданского состояния: родился, женился, развёлся, умер.

В целом, все источники открытые, но иногда он все-таки нанимает исполнителей в даркнете – взломать базу данных какой-нибудь доставки, чтобы узнать, куда и на какую сумму неверный муж заказывал обед, букет или нижнее бельё из «Ла перлы». Или биллинг телефонного номера не очень честной жены, отправившейся якобы в Уренгой в командировку, а на самом деле в Подмосковье, к любовнику.

– Я всё-таки хочу покопаться в базе данных по неопознанным трупам, Вик. Сейчас ДНК-экспертизу проводят у нас, а не в штатах, стоит дешевле, да и делается не в пример быстрее, чем двадцать лет назад. Если дашь денег, я знаю одного парня, у которого есть доступ к архиву и криминалистической лаборатории…

У меня резко подскакивает пульс, подмышки взмокают.

– Нет, Сёма, ищи среди живых. Вот когда совсем не останется вариантов, тогда и пойдём к твоему парню.

Поднимаюсь с места, коротко прощаюсь и выхожу на улицу.

В такси я пытаюсь прийти в себя. Водитель курит, и я всё порываюсь попросить у него сигарету. Но чёрт! Зря, что ли, так мучительно бросала?

Когда ближе к ночи дверь пищит одобрительным сигналом, а не орёт, как позавчера, я еле сдерживаюсь, чтобы не побежать из кухни в холл.

Глядя в зеркальную дверцу встроенной духовки, разглаживаю на себе топ, взбиваю волосы и иду степенным шагом.

Леший уже сбросил на пол свой баул, снял чемоданоподобные кроссовки и повесил куртку на крючок. Подтягивает к себе, обнимает и целомудренно целует в щеку.

Поводя носом, хмурится.

– Дорогая, ты готовишь?! – мультяшным голосом спрашивает он.

– Ну типа.

– Кажется, горит.

Ох!

Это я достала из духовки противень с мясным пирогом и положила на электроплиту, которую забыла выключить после варки картошки для пюре.

– Вроде остался не обгорелый бок, – хмыкает Леший, сжимая мой зад.

– Надо было не выёживаться, а заказать доставку, – смущаюсь я. Немного помедлив, шлёпаю по руке на своей ягодице.

В итоге мы делим «хорошую» сторону, пусть даже и воняющую слегка палёным. Маришкин пирог уходит на «ура». Иногда она приезжает по делам в Москву из Зеленограда и всегда останавливается с ночёвкой. После её отъезда мне остаётся её выпечка, какие-то домашние варенья, разносолы, а порой и вот такой замороженный пирог – просто достань из морозилки и запихни в духовку. И постарайся не спалить.

– Как прошла игра? – Спрашиваю Лешего, слегка обмирая внутри от возбуждения.

Я извращенка? Почему меня привлекают мужики, любящие применить силовой приёмчик? Выступлений самого Алана на мате я не видела, он уже давно покончил с соревнованиями. Но иногда бывший смотрел у себя дома Чемпионат России или Европы по вольной борьбе и орал матом на спортсменов, забывая, что он, вообще-то, культурный бизнесмен. На экране крупные мясистые парни в купальниках хватали друг друга, зажимали у мата, подбрасывали вверх, угрожая сломать хребет. В такие моменты уровень тестостерона у Алана, видимо, существенно повышался, потому что он обычно тащил в постель и трахал меня особенно жёстко.

– Два : ноль в нашу пользу. Пока что на верхушке рейтинга в турнирной таблице.

– Я видела, как ты отдубасил того питерского хоккеиста. Который ещё великанистее, чем ты, уж не знаю, насколько это возможно.

– О, да? – Удивлённо поднимает брови Лёша. – Он сам нарвался.

– Мне нравится, что в хоккее можно драться.

– Вообще-то, нет, Викец. За это штрафуют удалением либо могут вообще дисквалифицировать на несколько месяцев. Вот в НХЛ любят подраться и даже отчасти приветствуют такое ради эмоций зрителей. У нас, в КХЛ, с таким построже.

Мирно едим, потом прибираемся на кухне. Лёша благодарит за ужин и уходит разбирать свой баул.

Я лежу в постели, мучительно пытаясь сконцентрироваться на книжке.

Коротко вибрирует телефон.

«Ты в курсе, что Отбойный молоток женат?»

Глава 12

Порываюсь было позвонить анониму Цечоеву и обложить его как следует.

Во-первых, нечего писать мне снова и снова.

Во-вторых, пусть направит энергию в более полезное русло, а не лезет не в своё дело. Можно, например, попробовать освоить новое хобби. Рисование по номерам, алмазную мозаику, выжигание по дереву, в конце концов!

С Аланом мы познакомились, когда он заказал у нашей компании автоматизацию бизнес-процессов в своих ресторанах. С годами их количество увеличивалось, контролировать персонал становилось всё сложнее, а нормально развиваться, когда ты не знаешь досконально, что творится на твоих кухнях и в бухгалтерии – невозможно.

Его партнёры хотели и дальше работать по старинке, и, как выяснилось, неслабо подворовывать. Алан провёл масштабный аудит, пригласив ребят из ещё одной нашей дочерней компании, а потом вызвал самого дорогого спеца по ЗАП. То есть, меня.

Меня восхитило ощущение постоянно сдерживаемой ярости, исходящее от него. Густые волны сексуальной агрессии, которые он направлял на покорение новых финансовых высот. Никто больше этого не чувствовал, все думают, что Алан – милый, искренний, заботливый, словно медведь из мультика. Все, кроме бывших партнёров. У одного внезапно взорвался припаркованный автомобиль; у второго хулиганы раскурочили загородный дом, ничего не украв; у третьего пропала на несколько дней любимая собака. Бизнес стал единолично Цечоевским. Конечно, у меня нет никаких доказательств его причастности. Может быть, это просто невероятное стечение обстоятельств?

К концу моего контракта с Аланом в ресторанах все работало как часы, а я трахалась с ним на каждой попадавшейся поверхности его офиса.

Опасный мужик! И рыжий.

И да, я влюбилась. Потому что мы влюбляемся в тех, кто приносит нам в клювике оргазмы. Вот только Алан влюбился тоже и решил непременно жениться. Я и так не собираюсь вступать в брак ни при каких условиях, но он с дуру принялся расписывать мне «плюшки»:

Всегда спешащая на помощь мама, готовая поселиться с нами сразу, как только я забеременею.

Толпа родных младших братьев, способных избить морду любому косо посмотревшему в мою сторону человеку, а также охранять каждый мой выход из дома.

Жена, конечно, не должна работать, её полностью обеспечивает муж. Какие командировки?

Потенциальный переезд на Кавказ после рождения ребенка – там чище воздух и вкуснее продукты.

Понятно же, что я резко решила прекратить отношения?! И тут столкнулась с новой, ещё не открытой чертой его характера – абсолютным, всепоглощающим упрямством. Конечно, оно там было всегда, это просто я была слишком легкомысленна, чтобы посчитать его важной стороной в уравнении. Чем сильнее я сопротивлялась его устремлениям, тем с большим напором он стремился их воплотить.

Украшения от Картье, приглашение на уикенд на Мартинике, подогнанный под окна чёрный внедорожник с огромным розовым бантом? – Есть.

Уговоры, каждый раз начинающиеся одинаково? Попытка шантажа женитьбой на юной, на все готовой невесте? – Есть.

Угрозы выбросить в интернет мои обнажённые фото? Не знаю, зачем он пытался напугать меня этими снимками без лица. Я выложила их в общий доступ первая.

На каждый его отбитый шаг мне приходилось вымучивать не менее отбитый свой.

Но когда Алан припёрся ко мне в офис и начал размахивать пистолетом, угрожая застрелиться, мне пришлось вызывать полицию. Чудом, лишь чудом меня не уволили, понимая, насколько я ценный сотрудник, но коллеги до сих пор слегка шугаются, когда я выхожу из своего кабинета, а начальство в шутку обещает призвать Цечоева в наказание на чей-то прокол.

Из полиции он отмазался тут же, при его-то связях. Но лезть ко мне перестал на целых шесть месяцев.

Одно хорошо. Своими выходками Цечоев выбил из меня любые воспоминания о влюблённости к нему. Теперь я могу думать о бывшем, лишь содрогаясь.

«Отвали, чёртов сталкер!» Пишу и блокирую номер.

И всё-таки, сообщение поселяет небольшое сомнение. У Алана есть свои, наверняка не очень легальные источники информации.

Можно пойти и спросить у Лешего самого, но придётся объяснять, откуда я это взяла, а я слегка стесняюсь того, что не смогла совладать с мужиком. Если Машка умеет всех вымораживать, то я растаптываю эго так, что мало кто остаётся живым после этого.

Времени – час ночи. В щели под дверью уже нет света, значит, мой сосед ушёл к себе.

Подсвечивая экраном телефона, чтобы не включать освещение, я на цыпочках пробираюсь к двери гостевой комнаты. Там тоже темно, ничего не слышно. На секунду задумываюсь, а как спит Леший? Надевает фланелевую пижамку или дрыхнет голышом? Встряхиваю головой, отгоняя непрошеные мысли.

Внутри меня – борьба. Если я сомневаюсь, значит, Алан победил? Хочу развернуться к себе, но, сделав пару шагов, замираю. Иду к шкафу в холле. Разворачиваю куртку от Монклер и просовываю руку в нагрудный карман.

Двадцатилетний Леший на фото – дитя дитём, ей богу. С интересом разглядываю его безбородого, с короткими волосами. День рождения в июне, на неделю раньше маминого. Листаю до нужных страниц. Они пустые.

Как-то наивно, Цечоев. Стоило бы потратить больше фантазии. Запихиваю документ обратно и спешу в свою спальню. Обняв подушку, засыпаю сном младенца.

Помните, я считала Алана умным? Забудьте.

Утром, выходя из подъезда к такси, я вижу стоящую неподалёку одну из его машин.

Глава 13

Леший – очень милый, пусть и самостоятельно навязавшийся мне сосед. Уходит на свои тренировки, когда я ещё сплю, когда возвращается, сам готовит нам вкусный ужин, либо заказывает из доставки.

В моём холодильнике, вместо вечного стаканчика с испорченным йогуртом и заплесневелого сыра (который положено было съесть ещё без плесени) появились, наконец, продукты, какие-то фрукты, зелень.

По утрам меня ждёт приготовленная к моему пробуждению кружка удивительно ароматного кофе и даже сливки! Я пыталась вызнать, в каких пропорциях Лёша смешивает зёрна, но он бережёт рецепт похлеще входа в «Форт-Нокс».

Двадцать шестого декабря, без предупреждения ко мне заявляется Марина. Я всполошилась от тревожного сигнала своего дверного замка и вспомнила, что так и не сообщила ей новый код, когда она начала звонить мне на телефон.

Сестра, как всегда, явилась с дарами: по сумке в каждой руке, да ещё полный рюкзак.

Войдя в холл, первым делом она уставилась на гигантские ботинки на обувной полке.

– Это тот хоккеист, что ли? – Светясь от любопытства, вместо приветствия спрашивает сестра.

– А ты накануне Нового года от семьи сбежала?

– У меня сегодня посиделки с однокурсницами. Ты не поверишь, хотели собраться ещё с сентября. Пятница, у тебя заночую. Не помешаю?

До этого я никогда не разрешала мужчинам у себя не то, что оставлять вещи, даже просто ночевать, выпинывая их по домам под предлогом того, что мне рано вставать или в командировку. Только с Лешим случилась какая-то осечка.

– Я тебе в зале постелю.

– А что же в гостевой?

Там у Марины практически своя комната, в которой она иногда прячется от многочисленного семейства. Мне пришлось забрать её вещи из шкафа, когда там расположился рыжий амбал.

Закатываю глаза и рассказываю сестре всю историю, начиная с того, что проснулась в одной комнате с наглой рыжей мордой и заканчивая тем, что от Алана удалось пока избавиться только под предлогом, что у меня новые отношения.

– Но мы не спим вместе, ты не думай, – заканчиваю я.

– Что-то совершенно новое, Викуль, – улыбается Марина, раскладывая на кухонном столе банки с солёными огурцами, грибами, какое-то варенье и большой контейнер с квашеной капустой.

Снова пищит звонок, возвещая о том, что явился мой постоялец.

– Дорогая, я дома! – возмещает хриплый голос, и Марина давится хихиканьем, восторженно подняв брови.

– Мы на кухне, – мрачно сообщаю я и вскоре в проёме появляется Леший.

Сестра с отвисшей челюстью медленно прослеживает его гигантскую фигуру от ног до лохматой головы.

– Моя старшая сестра, Марина. Это Леший, эээ, Лёша!

– Ваш будущий зять, – прочувственно сообщает Леший и идёт к Марине с протянутой для рукопожатия рукой. Та на секунду зависает, наблюдая за тем, как её маленькая ладонь исчезает в гигантской лапе.

– Ну-ну, удачи, – с отвисшей челюстью бормочет сестра.

– Это домашние? – амбал кивает в сторону разносолов.

Через полчаса мы с Маринкой поедаем приготовленные Лешим на скорую руку спагетти болоньезе так, что за ушами трещит.

– Уммм, я ведь на ужин собираюсь, – жалуется сестра с полным ртом.

Леший не отстаёт от нас, пожирая с космической скоростью принесённые Маринкой припасы.

– Как же вкусно, господи, – с чувством говорит он, хрустя маринованным огурчиком. – В маринад аспирин закладывали или уксус?

Марина вытаращивает глаза.

– Уксус, аспирин не люблю. А вы что, закатки умеете делать?

– Да пока в Канаде жил, так скучал по нашей еде, пришлось освоить, – Леший вздыхает над солёным груздём так, будто ему жалко его есть, а потом закидывает гриб в пасть целиком и стонет от восхищения, прикрыв глаза.

Марина пинает меня под столом и кивает в сторону Лешего, молча поднимая брови.

Я вытаращиваю глаза и корчу угрожающую морду. Любовь человека к вкусно пожрать ещё повод бежать за него замуж.

– А на Новый год у вас какие планы? – невинно спрашивает сестра у Лёши.

– Поеду к маме в Омск тридцатого и пробуду там недельку, – сообщает Леший. – Потом выездная игра, там заночуем и обратно в Москву.

– Ой, жалко, могли бы вместе с нами праздник отметить, – вздыхает Маринка. – У нас папа гуся запекает, своего, фирменного.

– Гусь – это хорошо! – Лицо Лешего освещается от восторга. – У меня мама раньше пирог с гусём готовила по татарскому рецепту.

И они с Мариной зацепляются за кулинарную тему, со всех сторон обдумывая, какое тесто должно быть у подобного пирога, класть ли в него яйца и при какой температуре выпекать.

Я слегка подрёмываю под журчание голосов, поставив локти на стол, когда на спину опускается тёплая рука и начинает легонько выводить по ней круги. Замерев, я практически мурлычу от удовольствия.

– Там ещё обязательно в крышке надо сделать ровное отверстие с трубой из теста для наливания воды и выхода пара, – доверительно сообщает Лёша, мягко проникая ладонью мне под топ и скользя шершавой рукой по коже. – Раньше эту миссию всегда поручали мне.

– А на каком этапе воду заливать? Кипяток или сырую? – уточняет сестра. У меня слипаются глаза от скучной темы и мягких круговых движений по спине.

***

Я лежу на воде, она мягко плещется вокруг моего тела. Рядом со мной фигура. Мамочка. Словно в детстве, она снова учит меня плавать, мягко приговаривая:

– Не бойся, милая, вода сама будет тебя держать. Расслабь тело и ничего страшного, если в ушки попадёт.

Я протягиваю руку – свою обычную, уже взрослую, большую руку с кроваво-красным маникюром и хочу схватить маму за ладонь.

– Ну нет, доча, ты должна сама научиться держаться на воде, – резко возражает мама, отшатываясь от меня.

Я переворачиваюсь, не чувствуя дна под ногами. Хочу подплыть к матери, обнять её, снова вдохнуть её запах, но она отдаляется от меня всё быстрее, пока не рассеивается, как туман.

Открываю глаза в темноту. Мне давно не снилась мама. Раньше, сразу после её пропажи – почти каждую ночь.

Я шмыгаю, вытираю щеку и понимаю, что рядом со мной кто-то есть. Леший крепко спит, обнимая меня со спины. Мы оба одеты в домашнюю одежду, в комнате тепло, но мои руки всё равно покрыты мурашками от озноба. Тянусь за сбитым вниз одеялом и накрываю нас обоих. Потом беру с талии огромную ладонь и подкладываю себе её тыльной стороной под щеку.

Утром Лешего уже нет рядом со мной.

Тридцатого числа мы с ним тепло обнимаемся перед дверью, обещая позвонить друг другу первого января, и поздравить и по омскому, и по московскому времени. Леший вдруг подхватывает меня за талию и поднимает к себе, заглядывая в глаза.

– Хочу запомнить оттенок, Викец.

Поставив на ноги, проводит носом за моим ухом, щекоча шею бородой. Смеюсь и отпихиваю его.

Я не купила Лёше подарок, поэтому облегчённо вздыхаю, когда он не извлекает ничего сюрпризом из своего баула. Может быть, свожу его куда-нибудь после Нового года. Мы опять обнимаемся, и Леший уходит, тихонько тарахтя колёсами баула по кафельному полу прихожей.

Вечером заезжаю к Семёну, лично доставляя ему новогодний подарок. За те годы, что он на меня работает, парень стал практически моим другом, знающим обо мне вещи, незнакомые никому. Я делилась с ним такими подробностями своей жизни, надеясь, что они помогут в поисках, что ему впору продавать на меня компромат. Уверена, у него много чего на нас, своих нанимателей, накопано. Потерянных, мятущихся.

Семён прикладывает к себе мягчайший кашемировый свитер и одобрительно кивает.

– Уже пятый, а, Вик?

Пятый Новый год, что мы встречаем в своих статусах клиента и исполнителя. Пятый раз, когда я прихожу с маленькой надеждой на новогоднее чудо. Но Семён качает головой.

– Я бы позвонил.

Когда я выхожу из каморки, и натягиваю кожаные перчатки, мне кажется, что кто-то наблюдает за мной. Опять Алан, я почти уверена. Подняв повыше оттопыренный средний палец и помахав им во все стороны, усаживаюсь в своё такси.

Глава 14

В квартире папы на праздник, как всегда, балаган.

Дети орут, бесятся, дерутся, таскают со стола продукты и вообще они везде.

Папа привычно отпихивает ногой хватающегося за его штанины любимца, четырёхлетнего Вовку.

– Иди-ка ты в зал, Вован, я сейчас гуся буду опаливать.

Конечно, мелкий теперь лезет на стул, поближе к стоящей на столе паяльной лампе.

Маришка хватает его под мышку и выпихивает к старшим.

Я тоже на кухне, создаю суету, то бросаясь со всеми на поиски открывалки для закруток, то пытаясь найти в банке маринованный зубок чеснока.

Сестра усаживает меня на стул и поручает чистить варёные овощи.

– Только я тебя умоляю, не отрежь себе палец, как в прошлом году.

– Я тебе именно для этого подарила специальный комбайн, который рубит овощи кубиками.

– Ты хоть видела, как им пользоваться? Да я быстрее сама всё нашинкую, чем его собрать, а потом разобрать и помыть!

– Да ты просто консерватор, которой проще упарываться, всё делая вручную, чем попробовать прогресс в действии!

– Ох, сейчас будет прогресс! – Зловеще предупреждает папа, щёлкая паяльной лампой и принимаясь опаливать от остатков перьев тушку гуся.

Мы с Маринкой на всякий случай отодвигаемся подальше. Отец вертит тушку во все стороны, летят искры, сладковато пахнет жиром.

– Может, и хорошо, что он не придёт, при его-то аппетите два таких гуся нужно будет, – задумчиво продолжает какую-то свою мысль Маринка и я пинаю её ногой под столом. Но поздно.

– Это ты про кого, Мариш? Антоха вроде только за майонезом метнулся. – Отец прикручивает огонь и убирает адский агрегат на верх подвесного шкафчика.

– Да так, знакомый один, – скорчив смущённую мордочку, смотрит на меня сестра.

– Ещё один знакомый, который так и не станет моим зятем, да? – прищуривается отец.

– Ну пап, просто с тобой никто не сравнится! – подлизываюсь я. – Я же не могу выйти за кого-то, кто не умеет как ты, работать руками.

– Алан вполне мог научиться, – поджимает губы отец.

Я закатываю глаза. Не знаю, чем его подкупил этот отбитый псих, да и виделись они от силы раз – так, столкнулись, когда я возила отца в прошлом году на приём к урологу, а потом мы вместе поужинали в одном из ресторанов моего бывшего.

Уверена, дело не в деньгах, – папа прекрасно знает, что я хорошо зарабатываю. Но я часто замечаю, как он волнуется, когда я заявляю, что брак – не для меня или что Маришка отстрелялась, родив и за меня тоже.

– Ты видела плохой пример перед глазами, – как-то сказал он мне. – Мы с вашей мамой были не лучшими родителями. Я был отвратительным мужем. Всю картину мира вам с Вадькой испортили. Странно, что Маринка нормальная выросла.

– Да обычными вы были! Даже нас не лупили! Вон у Машки вообще развелись и детей поделили, как котят. Орали вы друг на друга не больше других.

– Воот, а не должны были! – Отец сильно сжал руки, как всегда делал, когда нервничал. – Это из-за меня всё случилось. Из-за моего эгоизма.

– Ну что ты, папуль! – я обняла его со спины и почувствовала, как он напрягся. – Зато потом стал лучшим папкой в мире!

Отец похлопал меня по руке и, не глядя, ушёл курить на балкон. С тех пор как зашился, он не выпил ни капли.

Губами проговариваю Маринке «сучка», она в ответ молча отвечает «сама такая». Продолжаю очищать варёную в мундире картошку.

Папа соскребает ножом остатки опалённых перьев и принимается натирать гуся своей секретной смесью специй.

Дети, затихшие до этого, вдруг хором взвывают в зале, и Марина несётся к ним, нацепив на лицо самое зверское выражение.

– Просто я хочу, чтобы рядом с тобой был хороший, достойный мужик и ребёнок, когда я умру. – Тихонько говорит папа.

– Па, да с чего ты умирать собрался? Всё же хорошо!

– Ну вот, мало ли, тоже выйду из дома и пропаду! А у тебя годы идут! Я вот недавно читал, что чем старше родители, тем сильнее всякие врождённые риски для детей.

– Па, тебе этих четырёх что ли мало? Они и так хату каждый раз разносят, когда являются в гости! А если я со своим характером рожу, он тебе тут спалит всё на фиг!

– И пусть спалит! Пусть только будет маленький! – Папа внезапно шмыгает и сжимает пальцами переносицу. Зрелище настолько неожиданное, что я на долю секунды думаю, не выпил ли он.

– Ну пап, ну ты чего? – Ошарашенно спрашиваю я.

Отец машет рукой.

– На тебя сильнее всего её пропажа повлияла. Ты сама не своя была долгое время. А я не заметил, бухал, как скотина. Из-за меня упустишь счастье… женское…

Я прыскаю против воли.

– Ну ёлки-палки, что ты как сваха какая-то! Ну ладно, подумаю, может, заморожу яйцеклетки…

– И мужика найди! Нормального! Чтобы я не волновался!

Я нежно похлопываю папу по плечу. Кажется, с годами кто-то стал очень сентиментальным.

В кухню возвращается взмыленная Марина и подозрительно глядит на нас.

«Это не я» – молча телеграфирую ей губами.

«Смотри у меня!» – так же отвечает она.

Когда после полуночи сестра с зятем уводят сонных детей к себе, – а живут они на одной лестничной площадке с папой, я беру початую бутылку шампанского и ложусь на диван с телефоном.

На экране тихонько поёт «Голубой огонёк», папа посапывает в кресле, я, наконец, читаю все праздничные сообщения – от коллег, приятельниц, даже от Семёна.

Со Светкой и довольно напряжённой Машкой мы созвонились раньше, пообещав друг другу начать новую жизнь в новом году.

От «Алёшеньки» поздравление по омскому времени – они там вошли в первое января ещё три часа назад.

Я тоже отправляю своё, сфотографировав себя с бутылкой шампанского у губ.

«Там должно быть кое-что другое, но почти такого же размера», – незамедлительно приходит ответ.

«Ты о себе очень высокого мнения, а?»

«Ох Викец, ну почему ты не помнишь ту ночь!» – Сообщение сопровождает эмодзи баклажана и рыдающая мордочка.

«Может, и хорошо? Мозг защитился и стёр травмирующую информацию?»

«Я бы хотел поселить в него новые воспоминания. Такие, от которых у тебя каждый раз промокали трусики».

На экране появляется и тут же пропадает фото члена, сжатого у основания татуированной рукой. Извращенец! Удалил!

Да у меня прямо сейчас промокли трусики! И я теперь буду мучиться, – там правда была металлическая штанга под головкой?

Хлопает входная дверь. Появляется Маринка, выхватывает у меня шампанское и осушает бутыль наполовину одним глотком. Потом берет у меня телефон и читает переписку с круглыми глазами.

Вибрирует уведомление о новом сообщении.

Забираю свой айфон.

Аноним.

«Загадал тебя на Новый год»

Глава 15

Со второго по десятое января у меня командировка в Турцию. Этим вообще пофиг, что Новый год, у них обычные рабочие будни.

Впрочем, я не в обиде. Люблю Стамбул, люблю шумные улицы Кадыкёя, турецкую кухню с её обилием зелени и острых приправ. Местный шеф организовывает для меня ужин в рыбном ресторане, и я наслаждаюсь морепродуктами под чилийское сухое белое.

Фии, менять подгузники вместо того, чтобы наслаждаться вот этим видом на Босфор из мишленовского ресторана? Да ни за что на свете!Вот за это я люблю свою работу: не нужно бегать в офис каждый день. Каждая поездка и проект – это новый вызов моим умениям, моему упорству и отличная тренировка для мозгов. Плюс – возможность путешествовать по миру, получать свежие впечатления, не тратя собственные деньги, а наоборот, с каждым разом приумножая свой капитал. Я видела сотни гостиниц, жила в самых разных часовых поясах, пробовала самые экзотические блюда и ругалась с заказчиками на самых разных диалектах. Мне никогда не надоест мой образ жизни. Кто бы ни говорил, что пора остепениться, осесть и родить ребёнка.

Мимо нашего столика в сопровождении угодливого метрдотеля проходит знакомый на вид мужик. Через доли секунды я понимаю, – да это же звезда турецких сериалов, Алихан Кая! Правда, он теперь сам снимает кино, вполне себе приличное. Следом идёт, уткнувшись в телефон, его жена, Снежана Кая из нашего Екатеринбурга.

– Привет! – по-русски кричу я и она, вздрогнув, поворачивает ко мне голову. Я радостно машу рукой, и красотка растерянно машет в ответ.

Вот где ещё такое можно вытворить, а?

Мой сегодняшний компаньон неверяще качает головой и чокается со мной бокалом.

По приезде в Москву я вкатываюсь в квартиру, отшвыриваю чемодан, ботинки и первым делом иду наполнять ванную. Переживаю за Машку, которой сраный козломуж вообще решил перекрыть кислород. Я уже хотела обратиться за помощью к Алану, чтобы его люди отметелили Андрея, пусть бы мне пришлось за это с ним даже и поужинать… Но подруга отказалась, к величайшему моему облегчению.

Пару дней назад они со Светкой были на рождественском балу, выступали с важными речами, даже слали мне селфи оттуда, а сегодня Машка написала, что Андрей влип по самое не балуйся и она вроде как видит возможность воздать ему по заслугам. Хорошо бы отрубить ему эти самые заслуги и выбросить из окна их офиса на двенадцатом этаже.

Я вытягиваю ногу и поворачиваю краник, чтобы добавить горячей воды, когда слышу сигнал от входной двери.

– Дорогая, я дома! – Раздаётся хриплый голос, и я морщу нос от умиления. Главное, чтобы никто этого не увидел.

– Дорогая, я дома! – Снова провозглашает рыжий.

– Да слышу я! – Говорю достаточно громко, но не ору, не хочется напрягаться.

– Дорогая!

– Да здесь я! – Всё-таки вынуждает меня поднимать голос!

Дверь ванной распахивается, и я уже точно кричу, пытаясь прикрыться, нагребая на стратегические места пену.

– Фуух, чего молчишь? – встревоженно спрашивает Леший.

– Да я три раза кричала в ответ!

Рыжий замирает в проёме ванной комнаты в полном облачении. Мне нравится, что их заставляют ходить на игры плей-офф в деловых костюмах. Это выглядит безумно сексуально.

На Лешем тёмно-серая приталенная двойка, чуть укороченные брюки. Шерстяная ткань подчёркивает литые мышцы, белоснежная рубашка без галстука и с расстёгнутой верхней пуговкой открывает мощную шею с кусочком татуировки.

Мой взгляд опускается вниз, на очень явно выпирающую часть его тела под штанами. Я сглатываю, вспоминая видение с металлической штангой. Она действительно там?

Леший медленно, очень медленно проходит внутрь и садится на краешек моей ванны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.